

НГУЕН КУАНГ ХОНГ

ОБЩИЙ ПРИНЦИП И РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫДЕЛЕНИЮ ОСНОВНЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

(Опыт сопоставительного изучения европейской и китайской
лингвистических традиций)

Известный польский лингвист Е. Курилович справедливо отмечал, что любой язык всегда реализуется в форме высказываний и в форме слогов. По его мнению, наука о языке должна начинать свою работу с анализа всех целых структур, т. е. высказываний и слогов, а лишь затем переходить к выделению структурных компонентов разных уровней, т. е., например, слов и фонем. «Если наука,— писал Е. Курилович,— движется в обратном направлении — от элементов (например, фонем) к структурам (например, слогам), то это возможно постольку, поскольку в результате предварительного анализа, хотя и в н е я в н о й ф о р м е, элементы были выделены из структур» [1, с. 15]. Следует отметить, что несмотря на всю справедливость высказываний Е. Куриловича относительно европейской классической лингвистики в ее подходе к выделению основных единиц известных уровней языка (ср. фонема и слог, слово и предложение), они вряд ли оправданы, когда речь идет обо всех уровнях языковых единиц (ср. морфема и слово), даже в рамках европейской лингвистики, не говоря уже об иных лингвистических традициях, таких, как, например, китайская. В этой связи и возникает вопрос о возможности неодинаковых подходов к установлению основных единиц в языках различного строя и вместе с тем ощущается настоятельная необходимость в выработке какого-либо единого подхода ко всем языкам мира¹.

С целью освещения поставленных вопросов автор настоящей статьи делает попытку рассмотреть некоторые отличия европейской и китайской лингвистических традиций и показать их противопоставленность в определении и выделении основных единиц языка (силлабемы и фонемы, слова и морфемы).

1.

Европейская лингвистическая традиция от филологии античного времени до современной фонологии действительно при установлении звуковых единиц языка движется в «обратном направлении»: ученые всегда исходят из так называемых «отдельных звуков речи», в терминах которых и определяется обычно состав фонем (в тесной связи с установлением набора букв для письма), и лишь после этого говорят о слоге как комбинации отдельных фонем (звуков). «Звук» речи обычно представляется как кратчайший звуковой сегмент, данный непосредственно в наблюдении. Задача исследователей заключается в том, чтобы зафиксировать все звуки речи, опираясь при этом на свой лингвистический опыт [см. 2, с. 353], в виде последовательности знаков-букв, а затем идентифицировать и классифицировать их, в результате чего получается состав фонем исследуемого языка. Таким образом, основным содержанием фо-

¹ Так, например, одинаковый подход к выделению языковых единиц в языках любой типологии предлагается у самого Е. Куриловича, когда автор пишет: «От современной лингвистики мы ждем именно строгого и я в н о г о анализа структур, в результате которого будут получены классы, основанные по своим синтаксическим функциям на структурах» [1, с. 15].

нологической разработки является идентификация заранее данных звуков по их физическим и функциональным свойствам. Попутно можно заметить, что именно здесь, в отношении к выбору определенных критериев для отождествления известных звуков, входящих в единую фонему, и возникают главное расхождение и полемика между различными фонологическими школами², тогда как вопрос о сегментации фонетического потока на отдельные звуки дискутируется мало. Для исследователей европейской традиции звук всегда выступает на первое место, хотя сегментность и отдельность звука в акустико-артикуляционном плане далеко не доказаны. Слог же, величина гораздо более явная, напротив, определяется через первичные термины «гласных» и «согласных» звуков речи³. В связи с этим большой интерес всегда представляет вопрос об определении границ между слогами. Легко заметить, что в европейской лингвистической традиции существуют разные точки зрения и идут бурные споры по вопросам выделения слога и определения слогораздела с учетом тех или иных акустических и артикуляционных параметров⁴.

Совсем иная картина в китайской лингвистической традиции. Здесь звуковые единицы выделялись вне зависимости от письменности и грамматики, но в тесной связи с разработкой стихотворной метрики. В китайской традиционной фонологии (*иньюньсюэ*)⁵ отсутствует понятие «звука» (гласного и согласного), а в качестве определенного фонетического объекта, данного непосредственно как целое, выступает, напротив, тонированный слог, обычно называемый *цзинь* или просто *инь* (т. е. звучание, обозначаемое одним иероглифом). Тонированные слоги подробно описываются и классифицируются на основе тщательного анализа их структуры, и в результате этой работы появляются *юньшу* — словари рифм (например, словарь «Гуан юнь», 1008 г.) и *юньту* — таблицы рифм (например, таблицы «Юнь цзин», 1161 г.), в которых каждому тонированному слогу отводится точно фиксированное место. Проблема слогоделения не существует для китайских исследователей, зато они серьезно разрабатывают проблему членения тонированного слога на составные элементы. С помощью приема так называемого *фаньце* («разрезание» слога) китайские филологи выделяют в каждом слове своей речи две составные единицы, следующие друг за другом в строго определенном порядке: *шэнь* (инициаль) и *юнь* (финаль). С другой стороны, опираясь на явление, называемое *шуаншэнь деюнь* (т. е. повторение слогоморфем), исследователи отождествляют звуковые элементы, занимающие в слове определенную позицию. В результате выясняется состав фонологических единиц, соотносительных с единицами фонемного уровня в европейской фонологической традиции⁶. Следует указать, что только сравнительно недавно, после знакомства с языками Европы и европейской фонетикой, китайцы начали рассматривать свой слог в виде структурной модели из четырех следующих друг за другом компонентов, соответствующих звукам. Однако и в этом случае они по-прежнему представляли тонированный слог как единое целое из четырех частей — «головы», «шеи», «туловища» и «хвоста», в котором тон был «душой» [см. 10, с. 91]. Таким образом, выделяя, описывая и классифицируя фонетические единицы, китайская классическая фонология идет от слога как от целого к составляющим это целое компонентам, т. е.

² Ср., например, различные понимания фонемы в истории русской фонологии [3, 4; 5, с. 350—414].

³ «Слог — это звук без значения, составленный из негласного и гласного...» (Аристотель). «Вообще говоря, слог есть комбинация согласных с гласным или гласными, хотя в более широком смысле он может быть образован единственным гласным...» (Дионисий Фракийский); цит. по [6, с. 8]. См. также [7].

⁴ О различных теориях слога в Европе см., например, [5, с. 171—181; 6, с. 3—23].

⁵ О китайской традиционной фонологии и традиционном языковедении см. [8—16].

⁶ Для китайских филологов прошлого кратчайшей звуковой единицей, не делимой далее на сегменты, являлся не только *шэнь* (слоγοначальный согласный), но и *юнь* (остальная часть слога), хотя, имея представление о «звуке» в европейской (и, видимо, «общей») фонетической теории, мы и можем выделить в некоторых финалях (*юньях*) со сложной артикуляцией несколько «звуков» (как, например, финаль *-an* в слове *lín* «орхидея»). См. [14, с. 140; 16, с. 224—228; 17].

в направлении, противоположном тому, которым следует европейская фонетическая традиция. Этим основным различием обусловлен и целый ряд других отличительных черт и тенденций развития обеих лингвистических традиций в области сегментации и интеграции фонетических единиц разных уровней.

В области двусторонних единиц языка, обладающих не только звучанием, но и значением (слова и морфемы) между рассматриваемыми лингвистическими традициями также обнаруживаются расхождения в направленности их выделения, однако здесь положение прямо противоположно только что рассмотренному.

Традиционная лингвистика Европы уделяет большое внимание такой языковой величине, как слово, оно рассматривается как данное целое, из совокупности которых составляются предложения. Основным содержанием исследовательской работы над этим объектом является классификация слов по их функциональным свойствам и семантике, в результате чего в европейском языкознании издавна развивалась теория частей речи [см. 18, с. 17, 20, 23; 14, с. 93—94]. Впоследствии, после знакомства с древнеиндийской грамматикой Панини, европейцы стали усиленно заниматься анализом структуры слова и выделением языковых единиц более низкого уровня, а именно, морфем [см. 18, с. 12]. Противопоставляя по значению и по словообразовательной или формообразовательной функции *к о р н и* и *а ф ф и к с ы*, европейская лингвистическая традиция классифицирует последние по их позиции в слове относительно корня, различая при этом префиксы, инфиксы, суффиксы и т. п. Большое внимание уделяется при этом проблеме межморфемных границ внутри слова, вызывающей серьезные разногласия [см. 19]. Нетрудно заметить, что имеется некоторое сходство между подходом китайской традиционной фонологии к ее объекту — *с л о г у* и подходом европейской морфологии к *с л о в у*. В обоих случаях процесс выделения и установления языковых единиц имеет направление от целого к части, в связи с чем особое внимание уделяется классификации целых единиц и анализу их структуры с целью выделения единиц низшего уровня по их позиции в составе целого ⁷.

Китайская классическая филология состоит из трех взаимосвязанных разделов, общим объектом изучения которых выступает иероглиф, рассматриваемый и описываемый с разных сторон: как письменный знак — его изучает теория письма (*вэньцзысюэ*), его звучанием занимается фонология (*иньюньсюэ*), и, наконец, его значение составляет предмет семантики или, точнее, — схоластики (*сюньгусюэ*). Немногочисленные наблюдения над морфологией и синтаксисом [например, классификация *цзы* (иероглифов) на «полные» (*шицзы*) и «пустые» (*сюцзы*), описание употребления пустых *цзы* и т. п.] помещались в словарях и текстологических комментариях, т. е. входили в раздел *сюньгусюэ*, а не выделялись в специальный раздел и никогда не достигали такого развития, как морфология и синтаксис в европейском языкознании ⁸. Таким образом, если в Европе в фокусе лингвистических исследований всегда было *с л о в о*, то в Китае основное внимание филологов привлекал *цзы* — *с л о г*, обозначенный иероглифом, как наиболее самостоятельная единица языковой системы. Но, с другой стороны, *цзы* является наименьшей двусторонней единицей, и в этом отношении вполне может быть сопоставим с морфемой в европейской морфологии. Тем не менее китайцам эта единица не представляется как выделенная из какого-либо большего целого, и китайские филологи никогда не классифицировали свои *цзы* на корни и аффиксы

⁷ Весьма интересно отметить, что если в Европе языковеды часто говорят о словах или словоформах с нулевой морфемой [см. 20], то в Китае выделяют слоги с «нулевой инициальной» [см. 8, 17].

⁸ Различение «полных» и «пустых» *цзы* проводится уже в словаре ханьской эпохи «Шэвэнь цзэцзы» (121 г.), составленном Сюй Шэнем (30—124 гг.). Впоследствии, в эпоху Тан (VII—X вв.), под влиянием санскритской грамматики китайцы писали о «падажах» (как, например, в трактате «Шэньмин люэ»), однако эта попытка не получила поддержки. Учение о слове и предложении появляется в Китае под влиянием европейской лингвистики только в конце XIX в. [см. 14, с. 129].

(префиксы, суффиксы и т. п.). Напротив, для китайцев *цзы* — единица исходная, функционирующая довольно свободно и способная входить в состав языковых единиц большего размера. Такой взгляд на *цзы* явно напоминает нам взгляд европейских исследователей на *фонему* (звук) как на основную фонетическую единицу, из которой образуются слоги и другие, большие по размерам фонетические единицы.

Итак, в итоге можно было бы представить следующую общую картину. В отношении членения целого объекта на составные единицы европейская морфология, где: слово → корни + аффиксы, может идти в сравнение с китайской классической фонологией, где: слог → инициаль + финаль. В отношении же вхождения элементарных единиц в состав единицы высшего уровня дело обстоит как раз наоборот: китайское учение о *цзы* (полных и пустых однословах) можно сравнивать с европейским учением о *фонеме* (гласных и согласных звуках).

2.

Чем объясняется такое различие? Следует подчеркнуть, что все указанные выше особенности исследовательских подходов европейской и китайской лингвистических традиций не связаны с философскими проблемами лингвистики, но относятся лишь к различному направлению и порядку выделения языковых единиц и определения их уровней в самой языковой системе.

Для носителей языка выделение значимых и звуковых единиц всегда происходит при взаимообусловленности двух планов языка — плана выражения и плана содержания [см. 21, 22]. Совершенно очевидно, что возможность сопоставления фонетического и семантического планов во флективных языках (русском, французском и др.) никак не ограничивается и не определяется границами слогов в высказывании: сопоставление может проводиться и внутри отдельных слогов, иначе говоря, членение речевого потока на самые естественные произносительные единицы не всегда соотносится с членением его на наименьшие значимые единицы. Именно это несовпадение и является предпосылкой, позволяющей носителям языка выделять звуки, а не слоги, как кратчайшие отрезки звукового ряда, как основные фонетические единицы, служащие десигнаторами значимых единиц. Таким образом, в сознании носителей этих языков отдельный звук выделяется как языковая величина, существующая объективно в их речевой деятельности. Языковеды — носители флективных языков (наиболее типичными из которых являются древние и современные языки Европы), выделяя в родном языке фонологические (фонетические) единицы, исходили как раз из представления об «отдельных звуках» речи как психолингвистических единицах в языковом сознании носителей языка. Сталкиваясь с малознакомым или вовсе неизвестным ему языком, такой языковед продолжал исходить из готовых представлений о звуках своего родного языка (флективного) [см. 2. с. 358; 23].

Китайские филологи прошлого строили свою теорию на материале родного языка, и в процессе речевой деятельности им не приходилось наблюдать несовпадения между границами слогов и границами значимых единиц. В китайском языке, как и во вьетнамском и ряде других языков изолирующего типа, границы тонированных слогов почти всегда совпадают с границами значимых единиц, а это приводит к тому, что звуковые элементы меньше слога (соответствующие примерно звукам флективных языков) не могут иметь статус самостоятельных фонетических единиц вне слога. Иначе говоря, каждый тонированный слог, постоянно соотносимый со значимой единицей, предстал перед исследователями как единство звучания и значения, как монолитное целое, обладающее законченностью формы в речевой деятельности носителей языка⁹. Совершенно естественно поэтому, что китайские филологи, вы-

⁹ Монолитный и законченный характер китайского однослова с точки зрения фонологии и морфологии в сравнении с фонемой и морфемой флективных языков отмечался многими советскими исследователями [см., например, 24, 25].

деляя фонетические единицы своего языка, исходили именно из слога (а не из звука).

Когда границы слогов в языке не связаны с границами значимых единиц, говорящий на данном языке, если это позволяют артикуляционно-акустические условия, может произвольно членить звуковой поток на слоги, проводя слоговые границы по-разному, как это и имеет место во флективных языках¹⁰. Именно здесь кроется причина споров о критериях выделения слогов и членения речевого потока на слоги в европейском языкознании.

Неясность и амбивалентность слоговых границ могут быть полностью устранены только в том случае, если слоговые границы будут в то же время и границами значимых единиц языка, — положение, существующее в китайском языке, особенно в его средневековом состоянии (а также во вьетнамском и других изолирующих языках). Поэтому в китайском традиционном языкознании проблема границ слога никогда не считалась сложной и дискуссионной. Для того же, чтобы выделить фонетические единицы, меньшие чем слог, китайским ученым пришлось разработать специальные приемы анализа.

В то же время анализ структуры слога не вызывал особого интереса у европейских исследователей, поскольку составные элементы слога (т. е. звуки) рассматривались ими с самого начала как самостоятельные фонетические единицы. С другой стороны, постоянное несовпадение слоговых и морфемных границ в речевом потоке приводило к неустойчивости звуковой оболочки морфем, к тому, что она то и дело менялась с изменением границы слога¹¹. Это, вероятно, мешает говорящему на флективном языке легко идентифицировать морфему. Морфема как компонент слова может быть выделена только с помощью анализа структуры слова. Во флективных языках поэтому представление о словах как данных заранее единицах языка, из которых состоит высказывание, складывается не только на основании номинативной функции слова, не только на основании его способности к самостоятельному употреблению в предложении, но и благодаря в значительной мере регулярному совпадению границ слова с границами сочетания слогов, а также благодаря наличию в нем флексии, могущей служить сигналом словораздела в высказывании.

Совершенно другая картина наблюдается в изолирующих языках — китайском, вьетнамском и им подобных. Регулярное совпадение слогового и смыслового планов при членении речевого потока приводит к тому, что почти каждый тонированный слог в этих языках может семантизироваться, употребляться и быть квалифицирован как морфема и/или как самостоятельное слово. Такой тонированный слог носители языка, а за ними и китайская лингвистическая традиция, называют *цзы* [см. 26], а ряд советских востоковедов обозначает термином «морфосиллабема» [см. 25, с. 22]. (Соответствующая единица языковой системы во вьетнамской классической филологии носит название *тиенг* [см. 27]). Языковые единицы большего размера, вообще говоря, представляют собой сочетания отдельных морфосиллабем, связанных между собою фонетически и/или семантически, и различаются по степени спаянности. Не случайно поэтому китайская традиционная лингвистика основное внимание уделяет различению «полных» и «пустых» *цзы*, безотносительно к их позиции в составе таких сочетаний. В этой связи вполне понятно также, что в грамматике языков данного типа большие трудности представляет отграничение сложного слова от других сочетаний морфосиллабем.

В советской литературе по востоковедению было убедительно доказано, что способность к изменению морфологической формы в предложении появляется у слова только тогда, когда основные фонетические

¹⁰ Например, слово *бомба* делится на слоги двояко: *бом-ба* и *бо-мба*, слово *ardra* допускает деление *ar-dra* и *ard-ra*. См. [5, с. 175; 6, с. 4—18].

¹¹ Ср., например, русскую морфему *ход* в таких словах и формах, как *хо-ди/у/ть*, *в/хо-ж/у*, *в/ход*, *у в/хо-д/а* и т. п.

единицы (фонемы) обладают способностью к свободной широкой сочетаемости и могут порождать значительное количество различных звуковых комбинаций, как это наблюдается в индоевропейских языках. В языках же Восточной Азии, подобных китайскому, в связи с тем, что границы значимых единиц регулярно совпадают с границами слогов, чередование и свободная сочетаемость фонетических единиц уровня фонем невозможны, а потому и нет материальных (фонетических) условий для изменения морфологической формы слова [28]. В конечном счете изолирующий или флективный характер слова в разных языках теснейшим образом связан с явлением совпадения или несовпадения планов звучания и значения при членении речевого потока, которое производит в своей речевой деятельности носитель языка. Совершенно очевидно, что развитие морфологии и формального синтаксиса во флективных языках обусловлено способностью флективного слова изменять свою форму в составе высказывания, что чуждо языкам изолирующего типа.

Из всего изложенного выше можно сделать вывод, что различный подход лингвистических традиций Европы и Китая к выделению основных единиц языка по сути дела отражает основное типологическое различие языков, являющихся объектами изучения¹². Языковеды, создававшие эти традиции, были носителями языка, владевшими механизмом функционирования языковой системы до того, как они приступали к ее описанию. Эти языковеды (как европейцы, так и китайцы) описывали язык «изнутри», не опираясь на какие-либо представления, почерпнутые «извне», составленные на материале языков иных типов. В этом и состоит основной принцип описания, это и есть единое основание обеих лингвистических традиций. Различия же между ними является лишь результатом последовательного проведения этого принципа при описании языков, относящихся к совершенно иным типам.

В этой связи следовало бы вспомнить, что Бодуэн де Куртенэ в свое время придавал большое значение изучению языка «изнутри», с позиций его носителей. Вот что он писал по этому поводу: «Я полагаю, что всякий предмет нужно прежде всего исследовать сам по себе, выделяя из него только такие части, какие в нем действительно имеются, и не навязывая ему извне чуждых ему категорий. В области языка объективным руководителем при подобных научных операциях должно служить чутье языка и вообще его психическая сторона» [29, с. 22]¹³. Важно отметить также, что предлагаемый Бодуэном лингвистический принцип как определенный метод научного познания языковых объектов, по всей видимости, весьма близок к общему методу познания объективной истины, на который В. И. Ленин обратил большое внимание в конспектах из книги Гегеля «Наука логики»: «[...] абсолютный метод» (т. е. метод познания объективной истины) „проявляется не как внешняя рефлексия, а берет определенное из самого своего предмета, так как этот метод сам есть его имманентный принцип и душа.— Это есть то, чего Платон требовал от познания,— *рассматривать вещи сами по себе*, отчасти в их всеобщности, отчасти же не уклоняться от них в сторону и не хвататься за побочные обстоятельства, примеры и сравнения, но иметь единственно эти вещи перед собой и доводить до сознания то, что в них имманентно...» [30]. Вероятно, всякое лингвистическое описание, последовательно проведенное по указанному принципу, смогло бы соответствовать психологической реальности выде-

¹² Следует признать, что на направление исследований в каждой из лингвистических традиций оказал влияние и т и п и с ь м а. Этот вопрос заслуживает специального изучения и обоснования. Здесь, однако, можно отметить, что различные типы алфавита и письма, созданные в древности и средневековье в цивилизованных регионах мира, в конечном счете также были обусловлены различиями в типах языков и отражали их особенности.

¹³ «Ссылаюсь же я на чутье языка потому, — продолжает Бодуэн, — что для меня оно не есть какая-то выдумка, не есть какой-то субъективный самообман, но факт действительный и вполне объективный. Чутье каждого языка может открыть и понять и иностранец, точнее, иноплемяник, если только он изучит этот язык как следует, если он обладает достаточным знанием фактов и научно сообразительностью и, наконец, если его голова свободна от навязанных преданием предрассудков» [29, с. 22].

ленных при этом языковых единиц и, следовательно, смогло бы дать адекватные модели описываемого языка.

Само собой разумеется, что приведенное утверждение о важности изучения языка «изнутри» отнюдь не означает отрицания всякой попытки лингвистических описаний по каким-либо иным принципам, и прежде всего по так называемому принципу «сверху», в котором исходными посылками послужили бы все универсальные законы и свойства человеческого языка вообще. Эти же законы и свойства, однако, выявляются прежде всего именно благодаря имевшимся результатам «традиционного» изучения ряда конкретных языков «изнутри», с позиций их носителей.

Что касается подхода, предлагаемого Е. Куриловичем для современной лингвистики (см. выше), то такой порядок анализа [на всех уровнях от целых структур (объектов) к их элементам] в лучшем случае может быть представлен как один из возможных подходов, которые одинаково применимы для описания разных языков по принципу «сверху» и необходимы прежде всего для сопоставительной типологии языков различных систем. В то же время из всего вышеизложенного совершенно очевидно, что при подобных подходах невозможно учесть психологическую реальность языковых единиц всех уровней в языках самых различных систем и, следовательно, получить психологически адекватные модели описания отдельных языков. Таким образом, для современной лингвистики оказываются необходимыми также подходы, выработанные по принципу изучения языков «изнутри» и в силу этого специфичные для отдельных групп языков определенного типа, что позволяло бы построить психологически адекватные модели лингвистического описания¹⁴. В этом отношении, кроме всех общепринятых теоретических положений современной лингвистики, представляются весьма интересными, как подчеркивал Н. И. Конрад [13, с. 27], достижения различных лингвистических традиций как на Западе, так и на Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.
2. Леонтьев А. А. Мысли о транскрипции. — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
3. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, с. 9—112.
4. Зиндер Л. Р. Фонология и фонетика. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 193—231.
5. Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.
6. Лekomцева М. И. Типология структур слога в славянских языках. М., 1968.
7. Перельмутер И. А. Аристотель. — В кн.: История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 169—170.
8. Ван Ли. Ханьюй пиньюньсюэ (Фонология китайского языка). Бэйцзин, 1956.
9. Ван Ли. Чжунго юйяньсюэ ши (История китайского языкознания). — Чжунго юйянь, 1963, №№ 3—6; 1964, №№ 1, 2.
10. Ло Чанпэй. Ханьюй иньюньсюэ даолунь (Введение в фонологию китайского языка). Бэйцзин, 1962.
11. Цэнь Цисянь. Юйяньсюэ ши гайяо (Очерки по истории языкознания). Бэйцзин, 1964.
12. Чжао Инътан. Дэнъюнь юаньлю (Историческое развитие учения о классификации рифм). Шанхай, 1957.
13. Конрад Н. И. О национальной традиции в китайском языкознании. — ВЯ, 1959, № 6.
14. Амирова Т. А., Ольховиков В. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
15. Яхонтов С. Е. История языкознания в Китае (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). — В кн.: История лингвистических учений. Древний мир.
16. Яхонтов С. Е. История языкознания в Китае (XI—XIX вв.). — В кн.: История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
17. Nguyen Quang Hong. Am tiet tieng Viet, chuc nang va cau truc cua no (Слог во вьетнамском языке, его функция и структура). — Нгон нгы, 1976, № 3.
18. Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М., 1938.
19. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1972, с. 26—64.
20. Солнцев В. М. Морфема и слово. — В кн.: Языки Юго-Восточной Азии. Вопросы фонетики, фонологии, морфологии. М., 1970.

¹⁴ Сходного мнения придерживается, видимо, и В. М. Алпатов, ср.: «Психологически адекватные модели языков должны строиться по-разному и действительно строятся по-разному в различных лингвистических традициях» [31].

21. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 114—115.
22. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики.— В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 144—145.
23. Зиндер Л. Р., Бондарко Л. В. Исследование фонетики.— В кн.: Основы теории речевой деятельности. М., 1971, с. 145—149.
24. Иванов А. И., Поливанов Е. Д. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
25. Драгунов А. А. Грамматическая система китайского разговорного языка. Л., 1962.
26. Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М., 1954, с. 21 и сл.
27. *Nguyen Tai San. Ngu phap tieng Viet. Tieng. Tu ghep. Doan ngu* (Грамматика вьетнамского языка. Тиенг. Сложное слово. Доан-нгы). Ханой, 1975, с. 9 и сл.
28. Рождественский Ю. В. О некоторых предпосылках флексии и изоляции.— В кн.: Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1964.
29. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963.
30. Ленин В. И. Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, с. 201.
31. Алпатов В. М. О двух подходах к выделению основных единиц языка.— ВЯ, 1982, № 6, с. 72.